

НКВД
ПРОТИВ ВРАГОВ РОДИНЫ

С Е Р Г Е Й
З В Е Р Е В

У РАССТРЕЛЬНОЙ СТЕНЫ

М О С К В А
2 0 1 8

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
3-43

Зверев, Сергей Иванович.

3-43 У расстрельной стены / Сергей Зверев. — Москва : Издательство «Э», 2018. — 288 с. — (НКВД против врагов Родины).

ISBN 978-5-04-093998-5

Еще подростком Матвей Дергачев ступил на путь непримиримой классовой борьбы. Гражданская война, продрозверстка, служба в отрядах ЧОН и ОГПУ сделали из деревенского паренька настоящего борца с разного рода контрой. А еще очень пригодились молодому чекисту навыки меткой стрельбы. Сам нарком обратил внимание на выдающиеся способности Матвея и перевел его на ответственную и сверхсекретную работу. Радости Дергачева не было предела, пока он не осознал, что стал самым настоящим... исполнителем «воли трудового народа».

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-093998-5 © Терентьев А., 2018
© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2018

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Москва, август 2016 года

На благородной зелени сукна, прикрывавшего столешницу старого письменного стола, орден Красного Знамени смотрелся неплохо. Слегка потертая материя колодки, соединительное колечко и сам орден, чуточку потускневший, но в более чем приличном состоянии, — все выглядело достойно и солидно. Вещица явно с историей, что выгодно отличало ее от несколько легкомысленной и частенько безликой унылости любой современной награды. Отличало, кстати, и в цене, что выражалась во вполне реальных, приятно хрустящих серо-зеленых американских купюрах. Наверное, на черном бархате этот орденок смотрелся бы еще лучше. Впрочем, какая разница — синий, голубой или лиловый, лишь бы не на красной подушечке, как сказал бы любой ветеран!

От созерцания пролетарского раритета меня отвлек звонок: дисплей аппарата любезно сообщал, что на невидимом проводе повис давний приятель, а временами и собутыльник, Макс — в миру Максим Евдокимов. Одним из неоспоримых достоинств Макса было то, что он почти ни-

когда не беспокоил по пустякам, если уж звонил, то исключительно по делу.

— Привет, Макс! Что, где, когда и, главное, зачем?

— Здорово! Здесь, где же еще... Роуминг ныне дороже овса, старина! Ладно, не стану томить. Я тут в провинцию мотался — надо было для одного дамского журнальчика материалчик о славных людях и достопримечательностях сего Пскова написать. Древний кремль, музеи и прочая красота, затерявшаяся в замечательных псковских лесах, за которыми прячется не менее симпатичная Прибалтика. Если совсем честно, то дыра еще та!

— Макс, давай уж как-нибудь покорооче, хорошо? Про черные дыры России и окрестностей как-нибудь в следующий раз расскажешь!

— Да я могу и вообще помолчать! Подумаешь, какие мы занятые... Ладно-ладно, дружище, не сопи! Рассказываю: познакомился я там с одной старушкой презабавной, она в музее «Двух капитанов» Каверина ребятишкам рассказывает о нашем великом писателе и о героях славного прошлого: покорение неведомых далей, Севморпуть и так далее. В общем, про «бороться и искать, найти и не сдаваться» и прочих летчиков-моряков...

— А что, есть такой музей? Так все-таки чей конкретно — Каверина или «Двух капитанов»?

— Есть, старина, при местной библиотеке. И посвящен именно книжке! Но не о ней речь...

В общем, осмотрел я экспонаты, поскучал, позевал и, как любимый тобой товарищ Бендер, несколько опрометчиво ляпнул, мол, музейчик, конечно, очень симпатичный, но «посидеть у вас со вкусом абсолютно не на чем. Одни садовые лоханки!». Выразился я, естественно, не совсем так, а гораздо витиеватее и тактичнее, но смысл моя «гранд-маман» все же уловила точно и мгновенно надулась. И даже слегка так обиделась...

— Макс!

— Понял, перехожу к самой сути! Разговорились мы. Я мадам порассказал про наши музеи, где можно увидеть и старое платье короля, и горшок королевы, и чертову ступу. К слову, упомянул и о серьезных коллекционерах, готовых выложить за интересный раритет очень даже приличные бабки. Это я, заметь, друг мой, и о тебе тоже!

— Лесть грубая и примитивная. Ты же знаешь, на голую блесну я не кидаюсь. Кроме горшка королевы есть что по-настоящему интересное?

— Да есть, есть! Какой вы, барин, право, нетерпеливый... Короче, напросился я к ней на чай.

— Ого! Да ты, я смотрю, делаешь успехи, чтобы провинциальная бабушка вот так запросто пригласила незнакомого человека к себе на чай, надо иметь недюжинное очарование и много чего прочего!

— Именно! И все это в наличии имеется, можешь не сомневаться. Я умею иногда с людьми

правильно разговаривать — и особенно мне удастся милых девушек за шестьдесят очаровывать! Так что понравился я ей — со мной это бывает. В общем, мы степенно пили чай и мило, чинно-благородно беседовали. И бабушка мне много чего преинтересного рассказала. И, заметь, друг мой, не только рассказала! Кое-что, не менее интересное, она и показала!

— Макс, что-то я не пойму: ты меня сейчас интригуешь или пугаешь?

В ответ мой собеседник хохотнул и уж затем, постоянно перепрыгивая с пятого на десятое, все же добрался до сути. Оказывается, бабушка, взяв с Макса честное благородное слово молчать ближайšie сто лет, показала моему приятелю «наган» с дарственной табличкой от самого наркома Ежова и поинтересовалась, сколько может сегодня стоить такая «железка». Вроде бы револьвер достался мадам от какого-то родственника, служившего в тогдашнем НКВД.

Во время рассказа Макс старательно прислушивался к моему голосу, явно пытаясь уловить нотки настоящего интереса. Но я слушал почти молча, лишь изредка отделяваясь односложными репликами. Демонстрировать кому бы то ни было свой интерес в подобных ситуациях категорически не рекомендовалось, поскольку горький опыт давно научил меня малейшую заинтересованность тщательнейшим образом скрывать. В противном случае цена любой безделушки автоматически

взлетала на поистине недосыгаемые вершины! Поэтому удовольствия Макс у я, конечно же, не доставил, а вот историю о наградном «нагане» действительно выслушал с интересом. После чего демонстративно зевнул, эдак небрежно попросил «акулу пера и чернильницы» сбросить мне координаты псковской бабушки — так, на всякий случай, — и нажал кнопку отбоя.

Легкий холодок, пробежавший между лопатками, подсказывал, что где-то совсем рядом бродит, мягко переступая мохнатыми лапками, госпожа Удача — хитрющий и пугливый зверек, которого древние римляне почему-то представляли в виде ветреной и взбалмошной бабы. По такому поводу можно бы и стопочку старого доброго виски! Впрочем, виски может и подождать...

Я включил ноутбук и быстренько набрал в поисковике давно знакомую фамилию. Ага, все верно: рядом с персонами известных палачей сталинских времен, товарищей Блохина, Магго и братьев Шигалевых, скромненько притулилась еще одна: Дергачев Матвей Федотович. Есть! Черт возьми, все сходится — по словам Макса, именно некий Дергачев М. Ф. и получил из рук генерального комиссара Госбезопасности Ежова наградной «наган» с соответствующей серебряной табличкой. И, наверное, было за что, просто так, за красивые глаза, наркомы револьверы направо и налево не раздаривают!

Здравомыслящему человеку понятно, что интернетовские источники — да и многие другие! — и соврут, недорого возьмут, но если хотя бы треть всех размещенных там историй правда, то наш дорогой товарищ Дергачев представляет для историков и прочих исследователей немалый интерес. Чекист, по слухам, собственноручно пустивший пулю в лоб таким деятелям, как Тухачевский, Карахан, Уборевич, Якир, и многим другим товарищам попроще, должен быть настоящим монстром со стальными нервами. Или наш Матвей был достойным воспитанником Железного Феликса — парнем с фанатичным огнем в глазах, всерьез верящим в мировую революцию и так же искренне полагававшим, что он расстреливает настоящих врагов народа? Так кто вы, товарищ с «наганом» в крепкой пролетарской руке, — стальной монстр, не ведающий ни чувства жалости, ни сомнений, тупой садист или пламенный фанатик? Вопросы, вопросы, одни вопросы...

Пожалуй, было бы любопытно узнать и о том, почему старушка не сдала «наган» в милицию, как это предписывается законом? Там вроде бы сказано, что в случае смерти гражданина, имевшего на законном основании боевое оружие, этот ствол изымается милицией, полицией и прочими органами. Да и вообще, сдать государству ныне можно любой ствол — правда, за совсем смешные деньги. На «черном» рынке или у коллекционеров та

же «пукалка» стоит гораздо дороже! Или бабушка по простоте своей не знала, да и знать не хотела о каких-то там статьях Уголовного кодекса? Ну, лежала дома памятная «железка», не шумела, есть не просила. Впрочем, имеется еще один вариант: револьвер был дорог «гранд-маман» как память о близком человеке, и плевать она хотела на все уголовные статьи.

А статья, между прочим, вот она: «Незаконные приобретение, передача, сбыт, хранение, перевозка или ношение огнестрельного оружия...» До трех лет. И за перевозку, кстати, тоже! Ну, это ведь еще обнаружить надо... А я, подобно товарищу Бендеру, в известной степени чту Уголовный кодекс и, в случае удачи, отнюдь не намерен бегать по вагонам и размахивать грозным подарком печально известного наркома!

Ладно, об этом позже, что раньше времени загадывать. Будем решать задачки по мере их поступления. Кое-какой опыт в подобных щекотливых делах у нас все же есть. И, как сказал бы еще один из моих любимых персонажей, Беня Крик, «пусть вас не волнует этих глупостей...» Вот интересно, а автора «Одесских рассказов», гражданина Бабеля, тоже наш пролетарий в расход пустил, или кто другой? Опять вопросы, черт возьми, а где взять ответы? Нет, определенно, нашу замечательную бабушку надо навестить, кто знает, может быть, именно она и расскажет что-нибудь интересенькое! Чем черт не шутит...

А вообще-то забавно: сейчас времена Гражданской войны очень многим кажутся такими далекими, почти как эпоха Ивана Грозного. И ветеранов Великой Отечественной-то мало осталось. А между тем даже я хорошо помню, как в моем нежно-зеленом детстве к нам в школу приходили еще очень даже бодрые участники той самой Гражданской! И было им тогда всего-то семьдесят с небольшим. Рассказывали через пень-колоду, как «рубали белых шашками на скаку». А мы им песни про Орленка пели, а после уроков бежали «Неуловимых мстителей» смотреть. Да, бежит времечко — совсем как конармейская тачанка! Несется, гремит, на ухабах подпрыгивает — только пыль веков столбом.

Так, решено — надо ехать! Теперь, господин всезнайка по имени Интернет, расскажи-ка, как нам, грешным, добраться до этого трижды седого Пскова? Самолетом не хочу, автобусом тем более... Ага, поезд — совсем хорошо! «Наш паровоз вперед летит...» С Ленинградского вокзала каждый божий день: вечером заваливаешься спать, а утром уже на месте. Теперь надо определиться, когда ехать-то... Я, конечно, художник более чем свободный, но просто так все бросить и рвануть куда-то в деревню, в глушь, в Саратов, то бишь во Псков-град, не могу. Есть парочка дел, встреч, и откладывать их никак нельзя! А вот в пятницу я совершенно свободен. Значит, решено: заказы-

ваем билет на пятницу. И, естественно, никаких общих вагонов-скотовозов и плацкарты — только купе! Хотя выспаться по-человечески можно будет, если, конечно, соседями не окажутся в зюзю пьяные селяне!

Но прежде надо не только с неотложными делами разобраться — надо крепко подумать, как при встрече не отпугнуть мадам и заставить ее поверить в серьезность и добрые намерения еще одного московского гостя. Очаровывать, подобно Евдокимову, я, честно говоря, не умею. Значит, надо отыскать людей, связанных с музейными делами, и договориться о высоких рекомендациях приличных господ, чтобы бабушка, по крайней мере, хотя бы выслушала меня для начала. А там уж по обстановке и общему настроению сориентируемся...

Великое дело — связи! Ну, ничего не меняется в нашей стране, какие бы времена ни настаивали. Как лет тридцать назад негромко сказанное: «Я от Сергея Владимировича!» — открывало любые двери и служило пропуском в особый мир, где царствовали люди, способные достать любой дефицит и решить любую проблему, так и ныне слово солидного человека может творить поистине чудеса.

По своим каналам я нашел-таки людей, имеющих прямое отношение к миру хранителей музейных редкостей. Как оказалось, мир этот не менее тесен, чем любой другой. Мало того, мне

удалось выйти на человека, лично знакомого с моей псковской «гранд-маман», и заполучить от него обещание позвонить бабушке и попросить ее о максимально возможном содействии «консультанту, частенько оказывающему работникам московских музеев неоценимые услуги».

Также было обещано отрекомендовать меня как «очень приличного и серьезного молодого человека», которому можно всецело доверять. Молодым, конечно, я был лет двадцать назад, но если речь идет о бабушке под восемьдесят, то вполне подойдет и такая формулировка...

Вообще-то вокзалы всех разновидностей я ненавижу с детства. Сейчас, к счастью, порядка стало заметно больше, но я-то хорошо помню эти «храмы дорог и путешествий», какими они были в недавнем прошлом. Бестолковая суета, очереди и липкая грязь буфетов, табачная и сортирная вонь в коридорах, масса подозрительных нетрезвых личностей — все это создавало атмосферу нервную, неприятную и рождало непреодолимое желание как можно быстрее оказаться подальше от всей этой «красоты».

Ко всем вокзальным радостям надо бы, пожалуй, добавить и лениво прогуливающихся милиционеров и сменивших их полицейских с цепкими взглядами и длиннющими дубинками. Не отягощенные утонченным воспитанием парни в форме всегда вызывали у меня ассоциации

с плавно кружащимися в небесах каких-нибудь Кордильер кондорами-стервятниками.

Нет-нет, я, конечно же, не считаю продажными мерзавцами и «оборотнями» всех полицейских — и среди них хватает нормальных, порядочных мужиков. Но лучше все-таки с этими ребятами без особой надобности не пересекаться, поскольку не стоит дразнить судьбу и будить лихо — пусть и дальше оно тихо дремлет где-нибудь в сторонке...

Ладно, все это лирика пустопорожня, мне сейчас надо о другом думать. Билеты, дорога — все это мелочь и ерунда, не стоящая внимания. Надо прикинуть, как с обладательницей предполагаемого сокровища контакт налаживать. Да-да, именно сокровища, поскольку есть среди коллекционеров господ очень и очень обеспеченные и готовые выложить за стреляющую «железяку» с такой историей сумму, во много раз превышающую смешные две тысячи рубликов, предлагаемые нашим щедрым государством. И сумма эта с лихвой покроет и дорожные расходы, и затраты нервных клеточек, которых потребует мое предприятие, и прочие неудобства.

Хорошо Максиму, у него действительно просто талант очаровывать девушек за шестьдесят. Я так, к сожалению, не умею. Так что придется очень постараться: и галантность проявить, и искренний интерес к старушечьим рассказам о ее, конечно же, трудном послевоенном детстве, и се-